

УДК 821.
ББК 84.6

И.И. Радченко

**ЭКСПРЕССИВНЫЕ
ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ
В ТЕКСТАХ
ПЕЧАТНЫХ СМИ**

В статье рассматриваются функциональные свойства частиц, их роль в выражении категорий отрицания (негации), интенсивности на страницах газет.

Ключевые слова: *частица, категория отрицания (негации), категория интенсивности, экспрессивность, модальные, эмоциональные и иллокутивные значения.*

Радченко Иван Иванович – канд. филол. наук, докторант кафедры русского языка и культуры речи факультета лингвистики и словесности Южного федерального университета

Тел.: 8-951-497-37-61
E-mail: ogneva@zsro.ru.

© Радченко И.И., 2012.

При отборе языковых средств автор газетного текста всегда ориентируется на адресата в стремлении донести до него содержание с максимальной убедительностью, чтобы привлечь на свою сторону. В связи с этим в фокус внимания попадают средства, к которым он прибегает, чтобы эффективно воздействовать на адресата. К числу таких средств относятся и конструкции экспрессивного синтаксиса.

Экспрессивность входит в набор лингвистических признаков, свойств качеств газетного текста, которые взаимодействуют с такими его аспектами, как содержание, авторские намерения и др. Все эти аспекты исследования газетного текста упираются в «фактор адресата», без которого «нет функционирующего текста, он мертв и оживает лишь столкнувшись с воспринимающим его реципиентом» [Маслова, с. 182]. Экспрессивность рассматривается в ряду таких текстовых планов, как событийный, оценочный, метафорический, символический, прагматический, эмотивный и др. Наиболее тесно экспрессивный план газетного текста взаимодействует с прагматическим и эмотивным.

За единицу коммуникации принимаем не предложение, а выполнение определенного действия, например, выражение благодарности, утверждения, просьбы, вопроса, приказания и т.п. Различные типы речевых актов называют обычно иллокутивными актами.

Эмоциональная сфера человека является предметом воздействия газетных текстов. На сегодняшний день психологи называют

более пятисот человеческих эмоций. Пожалуй, ведущую роль при выражении эмоций в языке играют междометия и эмоциональные частицы. Особенность употребления этих слов в качестве эмотивов проявляется в том, что они не называют непосредственно конкретных эмоций, а лишь указывают на определенную сему из круга эмотивных значений.

Д.С. Светлышев, говоря о функциональных свойствах эмоциональных частиц, на первый план выдвигает способность этих частиц «выражать значение субъективной оценки. Они служат своеобразными показателями положительной или отрицательной эмоциональной реакции говорящего на действительность» [Светлышев, с. 3]. Эмоциональные частицы не обозначают собственное содержание, а только выражают его, они обладают способностью переносить свое эмоциональное содержание как на те полнозначные слова, которые оказываются в сфере действия частицы, так и на весь речевой акт, а также являются средством усиления значения высказывания и его выразительности. В ряде случаев частицы «работают» не только на обогащение эмоционального плана высказывания, но и вносят в него дополнительное смысловое содержание. Таким образом, можно говорить об эмоционально-смысловой функции частиц. Именно наличие смыслового момента является решающим фактором при разграничении эмоциональных частиц и междометий. Последним присущ как правило лишь эмоциональный момент.

Известно, что оценочные и эмотивные высказывания употребляются с целью оказания определенного воздействия на читателя. Информативная насыщенность оценочных высказываний не высока, но именно это свойство и обуславливает высокую иллокутивную экспрессивность.

В литературе по теории эмотивности обозначена некая шкала эмотивных значений, на которой расположены как нейтральные значения, отражающие уравновешенное эмоциональное состояние, так и значения, проявляющиеся в состоянии эмоциональной напряженности, как-то: радость, восторг, возмущение, гнев, удивление, страх и т.п. Столь крайние проявления человеческих эмоций А.А. Прокопчук предлагает называть «маркированными эмотивными значениями», справедливо полагая, что «любому предложению свойственно либо нейтральное, либо маркированное эмотивное значение» [Прокопчук, с. 64]. Среди средств выражения маркированного эмотивного значения выделяются междометия, восклицательные частицы, слова-паразиты, бранные слова и др. Употребление того или иного эмотива – это не просто выпуск «эмоционального пара» говорящим. Эмотив всегда имеет адресную направленность с целью вызвать у реципиента определенное психологическое состояние. Именно это обстоятельство делает эмотивы и оценки не семантическими, а прагматическими объектами.

В последние годы в газетных текстах появилось много приемов синтаксического построения, предназначенных для воздействия на читателя. В поисках эффективных приемов воздействия современные авторы используют такие качества и свойства речи, которые заостряют и поддерживают внимание читателя, т.е. прибегают к наиболее выразитель-

ным, нестандартным способам подачи информации, используя при этом различные средства языка: лексические, морфологические, пунктуационные и др.

В свою очередь частицы единодушно признаются одним из сильных средств создания экспрессивности, передачи эмоциональных и оценочных смыслов, однако в литературе очень мало специальных исследований, посвященных анализу частиц как средств организации синтаксических конструкций, получивших название «экспрессивные», тем более в печатных СМИ.

Частицы при передаче модальных, эмоциональных значений часто объединяются в целые комплексы, которые приравниваются к слову или предложению. Исследования последних лет позволяют говорить о фразеологическом характере соединений не только полнозначных, но и служебных единиц языка.

Таким образом, частицы представляют собой открытый список, который непрерывно пополняется как за счет перехода других частей речи в частицы, так и за счет развития неоднословных соединений, многие из которых квалифицируются как частицы. Построения типа *Вот это да! Как бы не так! Вот то-то же* активно формируются в языке в связи с известной тенденцией экономии языковых средств – выражение максимального объема информации минимальными языковыми средствами. Причем на страницах газет эти соединения используются зачастую в авторском повествовании. Подобные нечленимые конструкции широко применяются в экспрессивных синтаксических построениях в связи с тем, что обладают большой воздействующей силой. Кроме того, они служат средством выражения субъективной модальности. Тем самым создается эффект постоянного авторского присутствия, что таким образом поддерживает тесный контакт с читателем.

Рассмотрим все это на конкретных примерах из газетных текстов.

Как известно, основными способами выражения отрицания являются частицы «не» – «ни». Отрицательные конструкции, как правило, экспрессивны, так как цель их – воздействие на эмоции и сознание адресата, потому что отрицать можно лишь наличие предмета, существующего в когнитивных знаниях читателя. Важной функцией таких конструкций является также создание эффекта негативной оценки фактов, противоречащих представлению читателя о добре, добрых отношениях между людьми, добрых поступках, и здесь таится огромный потенциал для создания эффекта контраста.

Реализуя замысел автора газетного текста, языковые средства репрезентации категории негации и интенсивности то сходятся, то расходятся. Они находятся в отношениях дополнительности. Категория интенсивности служит для речевой характеристики героев, так как огромный арсенал средств ее выражения позволяет выразить их самые сокровенные чувства и переживания.

Сферой действия отрицания может быть все предложение или только его часть, при этом семантика отрицательных конструкций всегда

субъективна: с позиций и адресата, и адресанта речи. Для адресата опровержение его представлений, предположений о наличии какого-то факта является неожиданным, а само высказывание об этом экспрессивно-эмоционально окрашенным.

Эксплицитное и имплицитное выражение отрицания сопровождается появлением особой экспрессивной окраски, которая вытекает из сопровождения негативного значения конструкции разного рода коннотациями.

Одним из наиболее распространенных способов выражения отрицания является частица «не»: *«Я скажу вам одно: мой внук Бронислав и вся наша семья два года не видели и даже не слышали Баскова!»* (Комсомольская правда, 23–30.12.2010).

В данном примере эксплицитно выраженное частицей «не» отрицание служит отрицанием смысла, заложенного в сказуемых, выраженных глаголами в личной форме. Отрицательная форма сказуемого «не видели» в первом случае усиливается квантитативным интенсификатором, выраженным сочетанием количественного числительного и существительного «два года». Значение, заключенное в отрицании «два года не видели» приобретает смысл усиления в контексте, повествующем о длительной разлуке героев, описанных в статье. Это содержание усиливается еще и повторяющейся формой сказуемого, построенного по такой же схеме: личная форма сказуемого «*слушать*» прошедшего времени с отрицательной частицей «не»: квалитативное усиление, интенсификация, выраженная усилительной частицей «*даже*».

Исследуя язык газет, мы заметили, что совмещение двух категорий возможно, как правило, при глаголах-предикативах, выражающих эмоционально-волевое значение психической оценки: любить, нравиться, хотеть, думать и др., а также в том случае, если интенсификатор при них квалитативный.

Несколько реже функцию усиления отрицания выполняет усилительная частица «ни». Например: *«Я тридцать лет погружаюсь, ни разу никаких нападений не было.»* (Комсомольская правда, 23–30.12.2010). В самой фразе отрицательную смысловую нагрузку несет глагол в прошедшем времени, употребленный с отрицательной частицей «не было». Для усиления этого значения автором статьи используется интенсификатор в форме отрицательного местоимения и квантитативный интенсификатор с отрицательной усилительной частицей «*ни разу*». Все это, включая квантитативный интенсификатор «*тридцать*» придает всей фразе усиленное отрицательное значение, осложненное экспрессией.

Например: *«Но в двух других пари – о том, последует ли за переделом сфер влияния в новой команде и передел собственности и ресурсов предшественников, а также кто важнее для нового губернатора – президент или премьер, – победителей пока нет.»* (Город N, 28.12.2010).

В данном примере предложение с отрицательной семантикой; нельзя не обратить внимание и на вопросительно-восклицательную частицу

«ли», свидетельствующую об интересе корреспондента к поставленному вопросу, его неравнодушное отношение.

Или еще пример: «*Ни у одного местного наблюдателя не хватит связей и компетенции, чтобы понять, как все было на самом деле, – считает один из собеседников N*» (Город N, 28.12.2010) – отрицание совмещено с квантитативными интенсивами «все» и «ни одного» (деинтенсивом).

Отрицание, выраженное отрицательной частицей «не», может усиливаться отрицательным местоимением или местоименными наречиями (*никуда, ничего*): «*А в их жизни ничего не изменилось.*» (Комсомольская правда, 23–30.12.2010), выступающими в роли деинтенсификатора.

Как показывает проведенный анализ газетных текстов, отрицательные местоимения и наречия самостоятельно для выражения негации в предложении практически не употребляются. В нашем примере эксплицитное отрицание, выраженное частицей «не» со сказуемым-глаголом в личной форме, усиливается за счет использования квантитативного деинтенсива лексического уровня в форме отрицательного местоимения «*ничего*».

Квантитативами-интенсивами могут служить и местоимения, которые приобретают эту способность благодаря категориальной семантике: указательной функции, характерной для местоимения как части речи; большому объему предметной отнесенности, детерминированности ее контекстом; соответствию местоименных слов единицам различных лексико-грамматических разрядов, употребленных с частицами. Например: «*Но экономное расходование – еще не все.*» (Наше время, 08.10.2009).

Данный пример интересен и употреблением рядом двух частиц: отрицательной «не» и усилительной частицы «еще», которые придают всему предложению ограничительно-усилительное значение.

Отрицательные местоимения и местоименные наречия являются весьма употребительным средством усиления отрицания; передавая квантитативную интенсификацию, связанную с полным отсутствием действия или признака: «*В общем полноценным ночным отдыхом это время препровождения никак не назовешь.*» (Наше время, 14.10.2009). Надо отметить и употребление в этом предложении указательной частицы «*это*».

Однако не только отрицательные частицы «не» и «ни» могут передавать отношения негации в газетном тексте. Это могут быть и частицы других разрядов. В анализируемых текстах довольно продуктивно использование частиц *вряд ли, едва ли* которые вносят значение отрицания. Например: «*Кто и когда делал подобные предложения губернатору, едва ли станет известно.*» (Город N, 28.12.2010).

В данном примере использование частицы «*едва ли*» равнозначно отрицательной частице «не» т.е. «*скорее не станет известно*».

Местоимения-частицы (*какой, как, такой, так, что за, куда, столько, сколько*) могут функционировать в газетных жанрах в роли интен-

сификаторов, часто организуя вопросительные или восклицательные предложения с яркой эмоциональной окраской.

«Ну, какой местный бюджет способен поднять столько?» (Наше время, 08.10.2009). Данный пример интересен и употреблением усиительно выделительной частицы «ну», которая по отношению ко всему предложению является деинтенсификатором.

Целям интенсификации служат количественные, дробные и местоименные числительные. Единицы двух первых разрядов могут подвергаться семантическим преобразованиям, в результате которых происходит расширение значения; числительные перестают называть определенное количество, указывая лишь на множество предметов, высокую степень характеризуемых признаков, выступая в роли интенсификаторов:

«Студенту всего лишь девяносто лет.» (Ирония). (Вечерний Ростов, 09.10.2009). Надо отметить, что значение иронии предложению как раз и придает употребление выделительно-ограничительной составной частицы «всего лишь».

При интенсификации оценок используются также числительные и существительные, являющиеся наименованиями малого количества (деинтенсификаторы). «На прямой вопрос, что будете делать после того, как получите диплом, кем вы будете работать, из аудитории в сто человек готовы дать ответ только два-три человека...» (Наше время, 08.10.2009). В данном примере выделительно-ограничительная частица «только» еще больше усиливает семантику деинтенсификатора – числительного «два-три человека».

К регулярно действующим интенсификаторам относятся те модальные слова и частицы, которые способны одновременно выражать и субъективную оценку, и степень проявления каких-либо признаков предмета, например, разговорное «аж»: «Пили, ели, веселились аж до часа ночи» (Вечерний Ростов, 20.10.2009), т.е. одно слово выражает и категорию интенсивности и усиления.

Наше исследование показывает, что качественные, количественные и качественно-количественные средства интенсификации образуют определенный эстетический контекст и выполняют ряд смысловых функций, одной из которых является повышение экспрессивности и, в конечном счете, выполнение воздействующей функции авторского газетного текста на читателя, иногда навязывание ему своего мнения.

Журналисты при этом максимально используют различные средства интенсификации. Например: «Сама идея, что оперный певец с роскошным баритоном, отшлифованным в Ла Скала, снизошел до эстрады, была смелой и неожиданной для советского искусства.» (Комсомольская правда, 24.10.2009). «При всей своей популярности в жизни Муслим (Магомаев) был очень доступным, чистым и даже наивным человеком.» (Там же).

В данных примерах при характеристике известного певца и композитора Муслима Магомаева автор статьи умело использует средства

интенсификации для описания его таланта (лексические интенсивы: «роскошным баритоном», «отшлифованным в Ла Скала»).

При описании характера Магомаева используются интенсификаторы – сочетания прилагательных и наречия, частицы: «очень доступным», «даже наивным человеком».

Частицы в газетном тексте могут использоваться и в составе повтора. Как известно, повтор в газетной статье выступает как простой фонетический повтор, повтор лексический, повторение словосочетаний, гипо-гиперонический повтор и синтаксический параллелизм – как высшая форма повтора на синтаксическом уровне.

Реализация повтора как значимой единицы возможна только в контексте, а значит, и сам повтор как таковой имеет смысл лишь в границах синтаксической структуры. Контекстуальное окружение повтора задается субъектом, автором текста, избирающим то или иное основание для оценки. Например: «*Ни Штатам, ни Европе полковник (Каддафи) живым не нужен.*» (Известия, 25.03.2011). В данном случае мы имеем повтор усилительной отрицательной частицы «ни», которая является интенсификатором по отношению к эксплицитному отрицанию, выраженному частицей «не» с глаголом «нужен» и выполняет функцию актуализации мотивов поведения руководства США и Европы.

Очень часто частицы выступают в функции усиления значений, выраженного повторами на страницах газет: «*Тогда и только тогда на землю Ливии высадутся экспедиционные войска из корпуса интервентов-гуманитариев.*» (Комсомольская правда, 24–31.03. 2011). Повтор наречия «тогда» выполняет функцию указания на длительность действия и эта функция еще и усиливается за счет использования интенсификации, представленного сочетанием союза и усилительно-выделительной частицы: «и только».

Фонетический повтор, основанный на паронимии, расширяет связи за счет столкновения слов-паронимов, создает эффект неожиданности, становится выразительным средством стилистической системы автора. Например: «*Да время другое. Безусловно, жесткое, жестокое даже.*» (Аргументы и факты, 29-05.07.2011).

В данном предложении мы имеем повтор, образованный парой однокоренных слов, выраженных прилагательными, повтор контактный. По шкале интенсивности слово «жесткое» («не допускающий малейших отклонений, требующий неукоснительного и точного выполнения» [Снегова, Власова, с. 113]) значительно ниже слова «жестокое», которое, помимо собственной запредельной семантики (очень сильный, выходящий за пределы обычного [Там же с. 112] еще и усиливается в предложении усилительной частицей «даже».

Или еще пример: «*В вопросах собственности на другие промышленные объекты позиция украинской стороны также месяц от месяца становится все более твердой: инвестициям – да, внешнему контролю – нет!*» (Парламентская газета, 26.11.2010). В данном примере интенсификация, выраженный аналитической формой сравнительной степени прилагательного «более твердой» усиливается и за счет употребления выделительно-ограничительной частицы «всё». Кроме этого полипто-

тон «*месяц от месяца*» также выполняет функцию усиления и интенсификации.

Надо также отметить наличие омонимичных эквивалентов слов, которые в предложении могут выступать как в роли частиц, так и в роли других частей речи (местоимение, междометие, наречие и т.д.). Например: «*Путин был уже, уже страна сказала: “Хотим изменений, хотим нового главу государства”.*» (Российская газета, 19.12.2011).

В данном примере дистантный лексический повтор глагола «*хотим*» говорит о настойчивости побуждения желания и, как и при всех дистантных повторах, мы наблюдаем во втором случае конкретизацию нового дополнительного значения, а именно «*хотим нового главу государства*». Интересно здесь и повторение контактного повтора слова «*уже*», которое выступает одновременно и в роли частицы, и в роли наречия, является интенсификатором по отношению к содержанию всего предложения.

Частицы при передаче модальных, эмоциональных и иллокутивных значений часто объединяются в целые комплексы, соединения «частица+частица», «частица + местоимение», «частица + союз» и т.п. Например: «*Любители версий считают, что в зону риска могут попасть не только новички, главы-оппозиционеры, как например Анатолий Кондратенко в Новочеркасске, но и мэр областного центра Михаил Чернышев*». (Город N, 28.12.2010).

В данном примере мы наблюдаем соединение двух частиц, равнозначных союзу «*не только, но и*»: отрицательной «*не*» и выделительно-ограничительной «*только*». Подобные нечленимые конструкции широко применяются в газетных текстах, в связи с тем что обладают большой воздействующей силой.

Таким образом, конструкции экспрессивного синтаксиса резко выделяются на фоне нейтрального окружения не только особым способом включения в контекст, но и наличием часто субъективной оценки, направленной на переоценку «эталона» (эффект обманутого ожидания).

Саму меру экспрессивности определяют специальные интенсификаторы, к числу которых, о чем говорит и наше исследование, относятся и частицы, которые усиливают воздействующую функцию газетного текста, делая его живым и эмоциональным.

Литература

Маслова В.А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1991.

Прокopcук А.А. Предложения с эксплицитно выраженными эмотивными значениями и их формы // Предложение и текст в семантическом аспекте. Калинин, 1978.

Светлышев Д.С. Состав и функции эмоционально-экспрессивных частиц в современном русском литературном языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1955.

Снетова Г.П., Власова О. Б. Словарь трудностей русского языка. Паронимы. М., 2009.